

1814.
Явление гения.

«Я жить хочу,
чтоб мыслить
и страдать»

Виктор Владимирович Меркушев 1814. Явление гения. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42742099

*1814. Явление гения. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».:
Знакъ; Санкт-Петербург; 2019*

ISBN 978-5-91638-149-8

Аннотация

Издание приурочено к 205-й годовщине со дня первой публикации создателя нашего литературного языка. В книге собраны стихотворения российских поэтов, которые в том же, 1814 году, появились в отечественной печати. Сравнение текстов даёт возможность понять и прочувствовать силу и глубину пушкинского дарования, а также проследить то общее, чем была наполнена жизнь людей начала XIX века. Кроме того, нам показалось важным остановиться на социокультурных особенностях времени и обратить внимание читателя на ту духовную и интеллектуальную среду, в которой жил и творил наш национальный гений.

Содержание

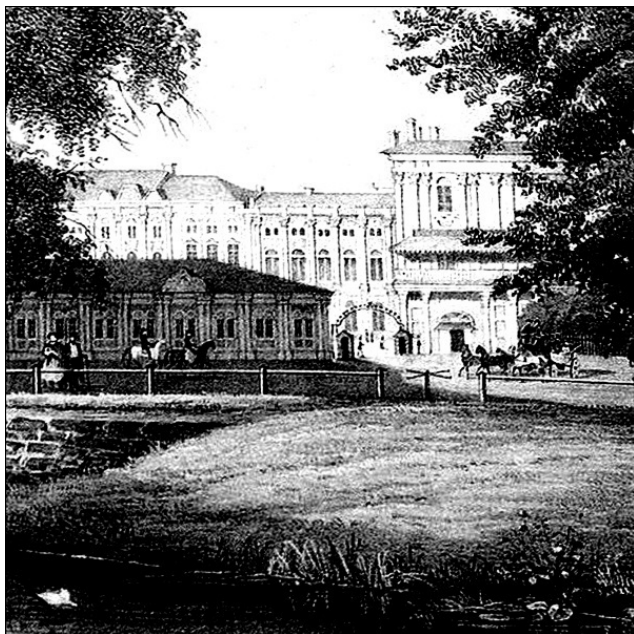
Портрет поколения. «Пока свободою горим...»	6
«Город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

1814. Явление гения.

**«Я жить хочу, чтоб
мыслить и страдать»**

Составитель

Виктор Меркушев

На авантитуле – Треугольная площадь. Царское Село.
Гравюра XIX века. Фрагмент.

На обложке – А. Пушкин. С.Г. Чириков. 1815(?) Екатерининский дворец. Вид на Лицей. Акварель. Начало XIX века.
Фрагмент

Портрет поколения. «Пока свободою горим...»

«Мнози бо суть званы, мало же избранных», – сказано в Писании.

Эпоха, когда у неё возникает необходимость обрести собственный голос и как-то обозначить себя в ряду прочих, сама выбирает своего глашатая, отзываясь впоследствии на его имя. «Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это лёгкое имя: Пушкин»¹.

Да, Пушкин. «Так много в этом звуке для сердца русского слилось», что период с середины десятых годов вплоть до полного подавления вольномыслия в России получил в истории имя нашего национального гения. Начало «пушкинской эпохи» принято отмерять от его первой публикации в 1814 году, конец обычно увязывается с введением в стране нового цензурного устава, прозванного «чугунным», и фактическим установлением господствующей идеологии, выраженной в знаменитой триаде графа Уварова: «Православие, самодержавие, народность». Так или иначе, но в тридцатых

¹ А.А. Блок. О назначении поэта

годах девятнадцатого века свобододолюбивая пушкинская муза была уже не столь заметна – на социокультурную сцену в России вышли новые герои, с иными литературными дарованиями, с иными ценностями, идеалами и другими взглядами на жизнь.

Но вернёмся, однако, в самое начало пушкинской эпохи. С победой над незнающей поражений армией Наполеона Россия уже не могла оставаться прежней.

Национальный подъём народа, спасшего своё Отечество и освободившего Европу, дал не только мощный всплеск патриотических чувств, он качественно изменил всю русскую действительность, весь её уклад, всю сферу духовной и культурной жизни. Наиболее чутко произошедшие события откликнулись в сердцах дворянской молодёжи, называвшей себя «детьми двенадцатого года», в числе которой оказался и Александр Пушкин, воспитанник привилегированного Царскосельского лицея.

Заграничный поход значительно повлиял на самосознание русских людей. Как писал Николай Иванович Тургенев, «мы увидели цель жизни народов, цель существования государств; и никакая человеческая сила не может уже обратить нас вспять». Отмены крепостного права, на которую надеялись победители – солдаты и передовое офицерство, составившее впоследствии основу всевозможных тайных союзов, так и не случилось, хотя Александр I и объявил благодарность всему народу Империи. На благодарность Импера-

тора Сенат опубликовал свой указ, согласно которому крепостных опять по-прежнему можно было продавать как по одиночке, так и целыми семьями.

В александровской и николаевской России гвардейское офицерство, по сути, являлось интеллектуальной элитой русского общества. Культ бретёрства, присущий дворянскому сословию 10–20 годов, нисколько не отменял интереса к идеям общественного развития и любви к изящным искусствам. А сочинение стихов и вовсе считалось обязанностью всякого уважающего себя офицера. По свидетельству Герцена «офицеры являлись душою общества, героями праздников, балов, и, говоря правду, это предпочтение имело свои основания: военные были более независимы и держались более достойно, чем пресмыкавшиеся, трусливые чиновники». К военным «пушкинской поры» очень подходил пришедший в начале века из Франции термин дилетант, который в то время имел совершенно иную, нежели сейчас, положительную коннотацию. Вначале его применяли исключительно к талантливым музыкантам, не получившим систематического профессионального образования, а после и вовсе ко всем людям, преуспевшим в артистических и гуманитарных областях. Неслучайно юный Александр Сергеевич так близко сошёлся с Петром Яковлевичем Чаадаевым, храбрым гусаром, героем Отечественной войны 1812 года.

Надо думать, что общность интересов и наклонностей сблизила гениального поэта и корнета Лейб-гвардии Гусар-

ского Его Величества полка, будущего философа и блестящего публициста.

Возможно, их взаимное дружеское расположение и было вполне искренним, но нельзя не учитывать того обстоятельства, что у сотоварищей нашего гения бытовал культ дружбы, которая почиталась исключительной ценностью, несмотря на то многое, что больше роднило её с ролевой игрой, нежели с подлинным чувством, основанным на взаимопонимании и общности духовных интересов.

В обществе, особенно столичном, в котором оказался лицеист Пушкин, господствовал Романтизм, проявляющийся не только в живописи и литературе, но и абсолютно во всём, от правил поведения в свете до манеры говорить и одеваться. Кокетство, тщеславие и бравада были такой же модой как белый цвет женских нарядов, в котором современники прочитывали возвышенное начало и удалённость от «грубых красок земли», которых пристало избегать и всячески сторониться.

Театральность и лицемерие вторгались даже в самые интимные стороны человеческих отношений. Бесконечные дружеские объятия, деланное сострадание, слёзы умиления и радости являлись привычной формой дружеского общения, в необходимости и правильности которой все участники подобных отношений пытались уверить самих себя. В значительной степени такие странные для современного человека жизненные проявления были вызваны дефицитом

внимания в семье и особенностями дворянского воспитания, когда ребёнок был лишён общества сверстников и дистанцирован от родителей.

Опять вспомним Герцена и обратимся к его воспоминаниям о своём детстве: «...товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убежал, провожая их, на двор поиграть с дворовыми мальчишками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большим почернелым комнатам с закрытыми окнами...». Похожие строчки можно найти и у другого писателя, Огарёва: «Ни единого сверстника не было около; редко появлялись два-три знакомых мальчика, но я их больше дичился, чем любил...».

Стоит ли удивляться, что поколение «романтиков» возвело дружбу в ранг высшей добродетели, когда «сделаться достойным дружбы» считалось целью всякого молодого человека. Жуковский писал, что наиболее значимую похвалу для себя видел в выражении «истинный друг», и это неудивительно, ибо в дружбе, по мнению поколения романтиков, соединялись все лучшие человеческие качества. Притом необходимо отметить то важное обстоятельство, что интимный характер дружеских отношений вовсе не предполагал самораскрытия и нарушения личного пространства. Никакой исповедальности в общении друзей не было, всё сокровенное, все личностные переживания находили отражение исключительно в поэзии, и ни в переписке, ни в дневниковых записях мы не найдём даже тени авторского самообличения.

Любой молодой романтик почёл бы такое душевное обнажение как утрату собственного достоинства. Зато сквернословия и злой иронии в эпистолярной той эпохи обнаруживается сколько угодно.

После, когда дворянская культура сменилась разночинской, «дружба романтиков» воспринималась как «потребность иметь при себе человека, которому можно беспрестанно говорить о драгоценной своей особе». Трибун разночинцев Белинский и вовсе считал дружбу романтической эпохи не «драгоценным сосудом для излияния самых святых чувств, мыслей, надежд, мечтаний», а «лоханью», куда выливаются помой собственного самолюбия.

Для социокультурного и духовного климата той эпохи, когда юный Пушкин впервые выступил со своим литературным произведением, очень важной проблемой являлось понятие чести – чести мундира, чести сословия, собственной чести... Забота о своём добром имени вполне вписывалась в нормативное пространство романтического века, обращённое в далёкие, рыцарские времена. Рыцарство подразумевало внутреннюю свободу, включая право самолично распоряжаться своею жизнью в делах, касающихся репутационных потерь, клеветы или ущемления собственного достоинства. Вопросы чести предполагалось решать самостоятельно, без всякой оглядки на власть и её институты. С другой стороны, понятие чести обязывало дворянина быть верным своему слову, поступать рассудочно, быть великодушным и спра-

ведливым. «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!» – утверждалось в Кодексе чести русского офицера.

Как важна была тема чести для передового дворянства первой четверти девятнадцатого века можно судить даже по тому факту, что руководителями декабристского движения был разработан особый программный документ «о чести», кодифицирующий это понятие. «Честь есть одно из положительных правил тех монархий, которые ничто иное суть, как ограниченный деспотизм».

Такое положение вещей вполне можно отнести к идеологическим условностям времени, когда вопросы чести носили сакральный, надличностный характер, и почти не касались психологических особенностей отдельного человека. Соблюдение всем понятных правил требовал весь строй общественных взаимоотношений, отступничество было чревато трагедией для нарушителя – он становился изгоем, был презираем и гоним. Слову дворянина верили. Павлу I было достаточно одного обещания Тадеуша Костюшко не воевать больше с Россией, чтобы отпустить его и перестать видеть в нём врага.

К концу пушкинской эпохи стремление Императора Николая абсолютизировать право распоряжаться подданными коснётся также и вопросов чести. Своими указами и распоряжениями он фактически лишил дворян их прежней привилегии считать себя свободными людьми. Дуэли Николай

считал «варварством», а слово чести полагал «мерзким». В 1829 году были ликвидированы полномочия офицерских собраний выносить приговоры по делам чести, а чуть позднее в «Своде законов уголовных» и «Военно-уголовном Уставе» поединки уже рассматривались в качестве особо опасных преступлений. Конечно, не волей одного Императора менялись в государстве условия социального бытия, но он приложил немалые усилия, дабы укоренить в обществе новые порядки и привёл к управлению именно тех людей, которые активно способствовали таким изменениям.

Умение «казаться, а не быть» во многие времена привычно значилось в числе правил хорошего тона, и романтический век здесь не исключение. Как говорил по этому поводу большой знаток человеческих страстей и стремлений Бальтасар Грасиан, «всё ценится не за суть, а за вид. Иметь достоинство и уметь его показать – двойное достоинство: чего не видно, того как бы и нет». Протекция влиятельного вельможи значила куда как больше, нежели истинные достоинства соискателя, на балы и танцевальные вечера, подчас, тратились последние деньги, а отказаться от места за карточным столом было равносильно признанию в собственной финансовой несостоятельности, это при том, что за один вечер нередко проигрывались целые состояния. «Отвратительной аристократической спесью», по выражению барона де Кюстина, было пронизано «большинство самых влиятельных дворянских родов России», от которых фамилии помельче

очень старались не отставать...

Безусловно, когда лица сокрыты масками, а поведенческие мотивы обусловлены ролью, особое значение приобретают правила игры этого социального маскарада. Такими правилами, создающими видимость приличия, во все времена являлся строго регламентированный порядок и форма общения, иными словами – этикет. Этикет включал в себя множество общепринятых условностей и выражался, прежде всего, в соблюдении культуры речи и межличностного поведения.

Давайте посмотрим, что писал об «*les convenances*»² в александровские времена Александр Иванович Герцен: «... кто знает, что у кого на душе; у меня своих дел слишком много, чтоб заниматься другими да ещё судить и пересуживать их намерения; но с человеком дурно воспитанным я в одной комнате не могу быть, он меня оскорбляет, фруасирует; а там он может быть добрейший в мире человек, за то ему будет место в раю, но мне его не надобно. В жизни всего важнее *esprit de conduire*³, важнее превыспренного ума и всякого ученья».

Впрочем, социальная игра в приличия была характерна не только для эпохи, в которой рос и воспитывался Пушкин, такое не в диковинку было и прежде. Хотя тут нам был важен не сам факт всеобщего лицемерия, а его реальное наполне-

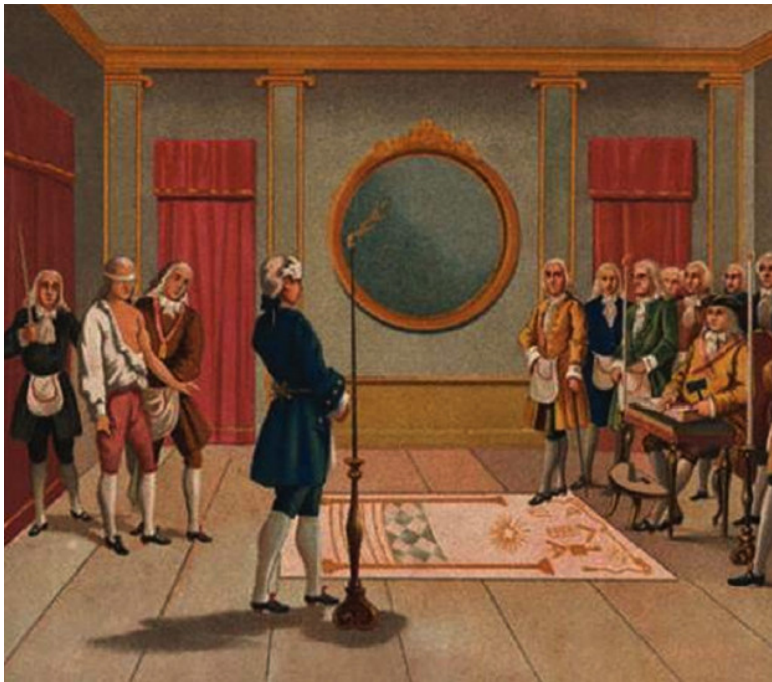
² *Les convenances* – видимость приличия, (франц.)

³ *Esprit de conduire* – умение себя вести, (франц.)

ние и духом, и буквой романтического двоедушия. «Я сам обманываться рад», – писал много позже Александр Сергеевич. Да разве только один Александр Сергеевич!

Социальные изменения в российском обществе, вызванные проникновением западных идей и философских воззрений, вместе с появлением собственных теорий реформирования всех сфер общественной жизни, таких, например, как проекты Сперанского, не могли не отразиться на духовной жизни государства, на мистических и религиозных поисках многих думающих людей того времени. Как естественная реакция на невежество клира и чрезмерный догматизм официальной церкви стало широко распространяться масонство и религиозный мистицизм. Под появившимся термином «фармазонство» (вольнодумство) подразумевалось не только утверждение свободы разума или скепсис в отношении к официальным верованиям, но и мировоззренческая установка к поиску истины через сверхчувственное общение с абсолютным предметом познания всего сущего. Такие издания как «Сионский Вестник», «Русский архив» и «Русская старина» являлись проводниками религиозно-мистических взглядов и имели широкую читательскую аудиторию. В обществе появляется мода на мистицизм, который, в свою очередь, спровоцировал эволюцию религиозных воззрений и имел большое влияние на нравственное развитие, меняя даже линию человеческого поведения. Разговоры о пришествии Антихриста, о недавно вошедшем в научный и

светский обиход магнетизме, о призраках и фантастических сущностях стали делом вполне обыденным; в эпистолярной той поры можно встретить немало строк, посвящённых таинственным явлениям и чудесам. Да что там досужие пересуды в «обществе», сам Император Александр был больше увлечён оккультизмом, нежели предан каноническому православию. Хорошо известно об его покровительстве западным мистическим сектам и о живом интересе Императора к их учениям.

Посвящение в масонскую ложу. Акварель неизвестного английского художника. Фрагмент. Конец XVIII века.

Если отвлечься от тем сакральных и обратиться к вопросам сугубо земным, то здесь обнаружится ещё больше удивительного и интересного. «Как? Неужели холопы способны чувствовать как господа, любить как господа и думать как господа?» Такая постановка вопроса в настоящее время может показаться просто недопустимой, но в начале XIX века

эти слова были наполнены подлинным чувством и искренним недоумением. Нет, нет, отказывали простолюдинам в их естественном человеческом качестве не только «уездные барышни», которые хотя и воспитывались «на чистом воздухе», однако «знание света и жизни почерпали из книжек»⁴. Разделение на «мы» и «они», на «подлых» и «благородных», повсеместно господствовало в дворянской среде. Вот что писал о крестьянах один из образованнейших людей своего времени Александр Сергеевич Грибоедов: «У нас господа и крестьяне происходят от разных племён, которые не успели ещё перемешаться нравами». Такое удивительное деление было характерно для многих народов. В Польше, например, шляхта приписывала себе сарматское происхождение, выделяясь тем самым из остального населения. Крепостнический стереотип восприятия простого народа после войны с Наполеоном начал постепенно разрушаться, хотя в газетах по-прежнему продолжали мелькать объявления о продаже людей между предложениями купить дрова или скот. Всемирная история изобилует подобной дикостью, достаточно лишь вспомнить дискуссии в средневековой Европе о существовании души у женщин или отказ колонизаторов признавать человеческий статус у покорённых народов.

Как Возрождение явилось временем возвращения к жизни идеалов Античности, так и эпоха Романтизма была обращена к Средневековью, правда, только к его формальной

⁴ Повести покойного Ивана Петровича Белки на. Л.С. Пушкин

стороне, но не сущностной. Конечно, в культуре «тёмных веков» не было места свободной личности в привычном для нас смысле, а индивидуальность, как таковая, не признавалась, но интерес к человеку был исключительным, во всяком случае, в плоскости соблюдения им предписанных норм поведения. Человек романтической эпохи даже и не пытался вникнуть в суть этих норм поведения, тем более что предшествующее Романтизму Просвещение во многом изменило содержательное наполнение отдельных понятий этики, свойственных прошлому. Возвращённые из Средневековья культы, такие как «культ прекрасной дамы», «культ клятвенных обещаний», «культ дружества и верности слову» всё-таки выглядели иначе, хоть и опирались, казалось бы, на прежние рыцарские традиции. Несмотря на то, что большую половину XVIII века

Россию возглавляли императрицы, женщинам в русском дворянском обществе отводилась роль направлять мужчин к высоким свершениям, побуждать «пыл благородных страстей» и питать его «энергию души». Как там пели средневековые трубадуры и странствующие рыцари, восхваляя свою «прекрасную даму»?

*Если бы не все на свете совершенства,
Если бы не эта красота,
Разве не нашел бы я в другой блаженство?
Мысль одною ею занята.
Даровало солнце свет Обездоленной луне.*

*Как солнышко с луною,
Госпожа моя со мною.
Осветила взором сердце мне.⁵*

В русском обществе начала XIX века господствовало представление о женщине как о хрупком, нежном создании, хранящей высокие идеалы нравственности и доброты. «Упражнения в науках и словесности» полагались вредным излишеством, ведущим лишь к «охлаждению женщины в любви супружеской». Угрожающим «дамским прелестям» считался как физический труд, так и любая умственная деятельность. Во множестве дамских изданий пестрели вышивки, шляпки, модные платья... Тексты были полны комплиментов и призывов к доброте и благонравию. «Без женщин не образовались бы ни мирные сёла, ни города цветущие: люди навсегда остались бы дикими сынами природы!» – писал один из авторов «Дамского журнала» князя Шаликова. «Пощёчина общественному вкусу» в лице отдельных представительниц слабого пола ничего не меняла: мужчины всё равно не видели в них достойных конкурентов. «Женщина должна любить искусства, но любить их для наслаждения, а не для того, чтоб самой быть художником. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью, ибо самолюбие не в ладу с любовью, а только один гений или высокий талант может быть чужд мелочного самолюбия, и

⁵ Генрих фон Морунген. Перевод Владимира Микуневича

только в одном художнике-мужчине эгоизм самолюбия может иметь даже свою поэзию, тогда как в женщине он отвратителен... Словом, женщина-писательница с талантом жалка...» Эта цитата из сочинения Виссариона Белинского 1835 года, когда уже о романтической эпохе остались одни воспоминания. Что же тогда говорить о настроениях начала века, когда на печатных страницах можно было прочесть такое наставление для прекрасных дам: «...Избегать противоречий мужу. Ни во что не вмешиваться, кроме домашних дел. Никогда ничего не требовать и казаться довольною малым. Жена может быть умнее мужа, но ей должно принимать вид, будто она этого не знает».

На балу. Фрагмент. Леопольд Шмутцлер.

Всё упомянутое здесь, безусловно, не является исчерпывающей «картиной мира», которую увидел юный Пушкин на заре своей недолгой творческой жизни. Любую реальность очень сложно представить в виде безупречной схемы, она всегда полна разных нестыковок и противоречий – иначе не было бы никакого развития, и одна эпоха бы не сменяла другую. А правдивое изображение русской действительности во

всей сложности и многообразии блестяще воплотил наш национальный гений, Александр Сергеевич Пушкин, войдя в отечественную культуру в 1814 году и создав своим творчеством «энциклопедию русской жизни»⁶.

⁶ *Белинский о романе «Евгений Онегин»*

«Город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид...»

Пушкин впервые увидел Петербург ребёнком, однако семья будущего поэта, прожив в столице всего несколько месяцев, вернулась в Москву. Вторично двенадцатилетнего Пушкина привёз для поступления в открывающийся Императорский Царскосельский лицей его дядя, Василий Львович Пушкин.

Василий Львович с племянником и своей приятельницей Анной Николаевной Ворожейкиной, поселились в гостинице Демута, одной из лучших в городе, в которой обычно останавливалась весьма состоятельная публика. Выглядело владение наследницы французского виноторговца Филиппа-Якоба Демута, Елизаветы Тиран, совсем не так, как в настоящее время. Гостиница состояла из нескольких корпусов вокруг большого двора, в котором размещались хозяйственные постройки и большая конюшня. На Мойку выходил двухэтажный каменный корпус, на Большую Конюшенную – трёхэтажный. Здания отличались исключительной простотой форм, лишь гладкий треугольный фронтон украшал их гладкие стены, покрытые крашеной штукатуркой.

Строительство Набережной реки Мойки. Вид на Полицейский мост. Фрагмент. Бенжамин Патерсон. Раскрашенный акварелью офорт. Начало XIX века.

А чем вообще была примечательна имперская столица в 1811 году, когда она предстала перед взором юного поэта?

Население Санкт-Петербурга тогда составляло чуть более 350 тысяч человек, что сравнимо с современной численностью населения таких российских городов как Нижний Тагил или Симферополь. Город делился на одиннадцать неравных частей: четыре Адмиралтейские, Литейную, Московскую, Каретную, Рождественскую, Петербургскую, Выборгскую и Васильевскую. В каждой части находился свой Съезжий дом, подобно тому, как в Советское время во всяком районе Ленинграда существовал свой Дом культуры. Одна-

ко в отличие от культурных советских учреждений Съезжие дома выполняли прямо противоположные функции. Там постоянно находился главный полицейский чиновник вверенной ему административной части города – частный пристав, со всей своей канцелярией, там же находились арестантские камеры, лазарет и проводились «экзекуции» – телесные наказания. Отдельные помещения в Съезжих домах отводились для пожарных и фонарщиков, которые обслуживали сеть уличных масляных фонарей. Бывшие Съезжие дома и сейчас нетрудно узнать по сохранившейся пожарной каланче, возвышающейся над двухэтажной или трёхэтажной постройкой. К штату «Управы благочиния», как называлось в те времена полицейское управление, были причислены и «градские сторожа» – будочники, круглосуточно пребывающие в своих деревянных полосатых будках, которые можно увидеть теперь разве что на территории Петропавловской крепости, восстановленные в прежнем виде Государственным музеем истории Санкт-Петербурга.

Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости. Фрагмент. Фёдор Алексеев. 1794.

Каменное строительство шло преимущественно по территориям, прилегающим к каналам и рекам, берега которых укреплялись и одевались в гранит камнем из каменоломен, расположенных близ Выборга. Но город большей своей частью оставался всё-таки деревянным и часто горел. Горожане регулярно могли видеть пронесившиеся с флагами и трещотками поезда брандмейстеров с объёмными пожарными бочками. Несмотря на обилие воды, воды в городе не хватало. Водопровода и канализации не было, что неизменно ска-

зывалось на санитарном и эпидемическом состоянии Санкт-Петербурга. Весной, при таянии снега, потоки нечистот попадали в водоёмы, отравляя воду, используемую для питья.

В этом смысле жизнь простолюдинов и дворян ничем не отличалась: даже Император был вынужден умываться из ручной мойника.

В городе, ещё с петровских времён, забота о «градском благочинии» возлагалась на самих горожан. Собственники придомовых территорий обязаны были следить за чистотой и мостить дороги близ своих домов. Дороги в городе мостились «дикарём» – булыжником, обломками природного камня, несколько позже и торцевым деревянным брусом – «паркетом», как его называли городские обыватели. Тротуаров практически не было, лишь кое-где наличествовал узкий дощатый настил. Мощение гранитной брусчаткой, которую ещё где-то можно увидеть в городе, было выполнено гораздо позднее, когда весь деревянный «паркет» уничтожило катастрофическое наводнение 1824 года.

Каждодневными общедоступными и бесплатными представлениями в столице были строевые смотры, парады войск и разводы караулов. Император Александр обожал шагистику и муштру. Военные упражнения собирали множество городских зевак. «...Эта приятная и блестящая пестрота среди единообразия занимает взор необыкновенно, как звук музыки и гром пушек...» – писал кто-то из современников.

Кроме барабанной дроби, трелей войсковых кларнетов и

криков командиров, воздух столицы был наполнен призывами к купле-продаже от разнообразных торговцев, начиная с мужиков-разносчиков, заканчивая вполне себе респектабельными приказчиками, беззастенчиво заманивающими потенциальных покупателей в свои лавки. Отбиться от навязчивого продавца случалось непросто, поэтому светская публика предпочитала покупать в дорогих магазинах, как правило, принадлежащих иностранным купцам. В этих заведениях приставаания к посетителям не практиковались, и состоятельные горожане могли подолгу пребывать в них, рассматривая проведённое в магазинах время как часть своего досуга.

Другой разновидностью досуга состоятельных горожан, принадлежащих к высшему сословию, являлись визиты. Они предписывались существующим этикетом, были обязательными и подчинялись установленному ритуалу. Считалось неприличным проживать в квартире выше второго этажа, дабы не унижать визитёра трудностями восхождения по лестничным маршам.

Офицеры составляли значительную часть дворянского населения Петербурга. О «свободном от фрунтовых занятий» времяпрепровождении большинства из них можно судить по воспоминаниям Ивана Дмитриевича Якушкина: «В 11-м году, когда я вступил в Семёновский полк, офицеры, сходясь между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую».

Большинство петербуржцев мало читали, а если и читали, то в основном произведения французских авторов. Российская журналистика, в отличие от журналистики европейских столиц, вообще была малозаметным явлением. Зато Фёдор Глинка, описывая покорённый Париж 1814 года, изумлялся страсти тамошних горожан к чтению: «Богач в палатах, бедняк в лачуге, поденщик, отдыхая после своей ноши, – все читают!»

Официальная газета Петербурга – «Северная почта», руководимая О.П. Козодавлевым, выходила незначительным тиражом и имела весьма ограниченный круг подписчиков. Некоторое оживление интереса к периодическим изданиям было вызвано войной 1812 года, но это случилось несколько позже, когда Александр Пушкин уже находился в числе воспитанников Царскосельского Императорского лицея.

Книжные лавки, которые мог наблюдать юный Пушкин и его писатель-дядя по приезде их в Петербург, были очень скромны, теснились они в галереях Гостиного двора или чуть поодаль от него. Книги стоили достаточно дорого: от трёх до десяти рублей, что составляло немалую сумму по тем временам. Стихи и небольшие произведения литераторов расходились чаще всего в списках, но и они были, скорее, романтической модой, чем явлением, требующим серьёзного и вдумчивого отношения. Стихи писали многие и стихотворные тексты, скорее, воспринимались как необходимая атрибуция личности, как забавная безделица, как внутрен-

ний монолог, который возможно доверить только бумаге, но нельзя произнести в обществе. Всё зависело от того, кем человек являлся и каков был уровень его образования и культуры. Формулы – поэт в России больше, чем поэт, ещё не было, ещё не было Пушкина, и не существовало литературного языка с присущим ему художественным измерением и глубоким внутренним содержанием. Конечно, поэты были, тот же Державин, Новиков или Сумароков, но они не имели всенародной читательской аудитории, притом большинство пишущих наивно полагало, что они-то уж точно ничем не хуже названных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.